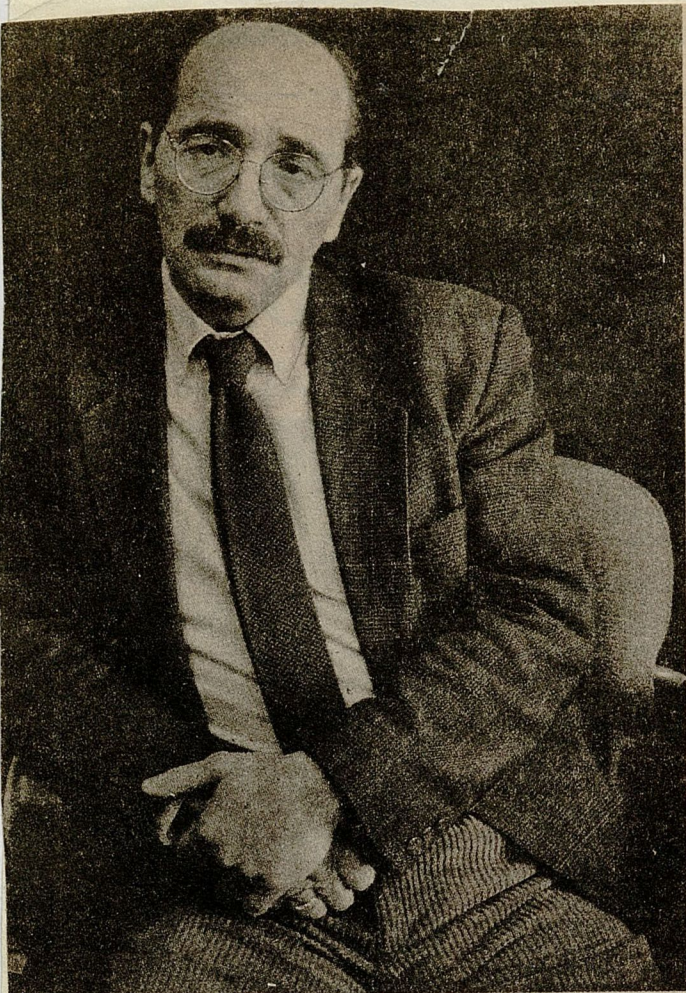

Клубные встречи

Последним романтиком российской прозы назвали недавно Александра Кабакова в "Нью-Йорк Таймс Бук Ревю". От такого титула веет грустью, как и от названия нового романа нашего романтика: "Последний герой".

Александр КАБАКОВ:

Виз. клуб - 1995 - 28 дек - 67

Кончилось время лирических пьяниц

— Хочу спросить вас о самочувствии писателя в наше время: он пишет, публикуется — но как бы не ощущает должной реакции. И если вспомнить, как вся Москва когда-то вздохнула читала "Невозвращенца" (и это притом, что он был напечатан в таком специфическом журнале, как "Искусство кино"), сейчас подобная ситуация представляется уже невероятной.

— Да нормально себя чувствую. Я же никогда не был советским писателем — очень бы хотелось им стать, но не удалось. Сам виноват: чего-то не делал — известно даже, чего именно. И у меня сформировалась соответствующая психология — несоветского писателя. А если учитывать еще и жанры, которые осваиваю, то оказываюсь, по мнению многих, даже и нерусским писателем. Но ведь и Достоевского можно прочитать как серьезный полицейский роман (то, что сейчас называется психологический триллер), а можно и обидеться на такое прочтение. Я-то думаю, что Федор Михайлович не обиделся бы — обижается за него.

Учитывая сказанное, мне не хочется быть властителем дум, как это было принято говорить. Нет абсолютно такой амбиции. Я себя всегда называл сочинителем или беллетристом. Более того: тот успех "Невозвращенца" — я ему безумно благодарен, потому что это три листа, которые потрясли мой материальный мир, и паровоз, который потащил за собой все прочее написанное, — так вот, тот успех мне чем-то и неприятен.

— Ревнуете как бы?

— Нет. Неприятно потому, что это был внелитературный успех, если говорить прямо и трезво. Ведь замечьте, почти не было рецензий. В одной из них было написано: "невеста каких литературных достоинств". Видимо, имелось в виду — "не бог весть".

— Я тогда определил "Невозвращенца" как беллетризованный памфлет.

— Это понятно: беллетризованный памфлет — литературный жанр. Но все восприняли как просто политический прогноз. И вместо рецензий было, по-моему, почти две тысячи интервью. И все с одним вопросом: а что будет? Но я не гадалка. Что было, что будет, чем сердце успокоится — мне на это, в общем, как писателю, плевать. И даже тех скромных литературных — я не буду говорить "достоинств", но качеств, положительных или отрицательных, которые там были, — никто не заметил. Это всем было по фигуре. А не по фигуре были — совпадения: саперные лопатки, Панаев — Янаев...

— Теперь еще приплосните: Дудаев. Публика любит, когда в рифму. Стало быть, вы не претендуете на звание предсказателя. Тем не менее беллетристические ваши прогнозы в известной мере оказались подтверждены действительностью. И если всякие авгуры оперируют хрустальными шарами или кофейной гущей, то каково же ваше оружие?

— Наблюдательность. Я смотрю из окна на Пушкинскую площадь в 87-м году и вижу, что если людям, которые там митингуют, дадут в руки автоматы, то тут же начнется гражданская война. Она и началась. Вообще политика и социальная жизнь в моих сочине-

ниях это только фон — прежде всего для притчи. Это такие романтические сказки.

И я ничуть не сожалею об утрате интереса ко мне как к политическому гадалке. Нет обиды и на издателей: они платят столько, сколько могут, — это если учесть, сколько покупают и сколько стоит у нас книга, чтобы ее вообще покупали. У нас в среднем издательство получает с книги доллар. При нашем уровне жизни это нормально. А в Соединенных Штатах издательство за такого же объема книгу получает 20 долларов. Вот отсюда и мои 10 процентов. Но я служащий человек был всю жизнь, профессия более или менее кормит.

— Почему вы назвали свой новый роман "Последний герой"?

— Потому что время вот таких героев — лирических пьяниц, романтических бабников, рефлексирующих суперменов — кончилось.

Уходят люди, выросшие из Ремарка и Хемингуэя, привитых на почве отечественного пьянства, положенных на русский женский тип и на советскую власть. Подобные есть и среди 30-летних, я их вижу иногда, но время таких людей прошло. Более того, еще и кончается век. Но век нормальных мужчин кончился даже раньше, чем XX век, вместе с "политикал корректнесс", с феминизмом. Все, кранты. Другое дело, что потом, может, пожалеют, начнут реконструировать, но это будет, как храм Христа Спасителя, — на воде.

— Бы этому герою предоставляете фантастические возможности, и чтобы любви ему обломилось побольше, и чтобы он мог пострелять. Комплекс супермена, и он же комплекс ненаигравшегося подростка?

— Абсолютно точно. Меня даже критик Борис Кузьминский упрекнул в свое время в рецензии еще на "Сочинителя", что все это — мечтания хилого подростка под одеялом. Я при встрече ему сказал: я с вами совершенно согласен и не понимаю, что тут обидного. По-моему, вся литература выросла из мечтаний хилых подростков под одеялом. А здоровые подростки в литературу не идут, а идут в охранные структуры.

Вообще этот тип — отчасти наблюдаемый в жизни, но в большой степени умозрительный. И вот почему и для чего: мне неприятна идея интеллигента без вторичных и третичных половых признаков, обязательно превращающегося в слякоть. Идея интеллигента, который довольно часто даже на бытовом уровне оправдывает слова Владимира Ильича Ленина — превращается в говно.

Я вижу большую справедливость в этих наблюдениях, но мне это неприятно. И я придумываю интеллигента, который, и рефлексируя, и сомневаясь, и достаточно изощренно чувствуя, и так далее, остается мужчиной, приличным человеком. Грубо говоря, мне всегда было неприятно такое объяснение: ну он же художник, потому и опоздал на полтора часа, и деньги, которые должен, забыл принести...

Меня греет идея, что можно быть писателем, художником, артистом, музыкантом — и джентльменом. И мужчиной. И порядочным человеком.

— И по рылу в случае чего.

— Возьмите один из величайших русских романов "Мастер и Маргарита". Даже когда я его прочел в первый раз, сразу возникло удивление: описана страстная любовь, а между тем герой может вызвать только материнские чувства. Она его все время защищает, она за него мстит, но ведь это плохо сочетается со страстью. Он художник, мастер, гений, но не мужчина. А единственный мужчина в романе — Воланд, черт. Так вот, когда я сочинительствую, то пытаюсь сделать мужчину и в то же время интеллигента. И не черта, не дьявола. Потому что дьявол и так уже полно в теперешней литературе.

— Одно дело помечтать об автомате в руках "под одеялом". Но теперь одеяло сползло или его сдернули, и, пожалуй, можно, допустим, пойти контрабандником в Чечню. Но в реальности такое приключение оказывается не столь привлекательным, как на бумаге.

— Да, потому что с какой бы ты стороны ни стрелял, ты кого-нибудь убьешь... Мой вечный оппонент Эдуард Вениаминович Саенко как-то сказал: "Кабаков точно так же исполнен ненависти, как и я. Только я, когда мне нужно эту ненависть выплеснуть, беру крупнокалиберный пулемет и еду в Сербию,

а он сублимируется в текстах". На что я ответил: "Во-первых, у нас просто разные профессии — он старший сержант, первый номер пулеметного расчета, а я — литератор. Во-вторых, если уж припрет, но не в Сербии, а на пороге моего дома (в достаточно широком смысле), точно так же возьму крупнокалиберный пулемет — я прилично стреляю. Это по рекомендации Александра Исаевича: если бы в 37-м из каждого окна стреляли, когда приезжали воронки, то, может, террора не было б. Вот это я понимаю. А не для разрядки. Это хреновая разрядка. И тем более, зачем такая разрядка литератору? Вот он и перестал быть писателем и не потому даже, что политикой решил заняться (то есть клоунадой политической!), а потому, что если разрядился, то писать — чем?"

— В текстах можно сублимировать и ненависть, и страхи по поводу грядущего. Сверхзадача антиутопии — не только предупредить людей, но и как бы заговорить возможную беду, отвести ее.

— Отчасти да, но подсознательно, конечно. А отчасти — другое. Нет, не предупреждение — никто никаких предупреждений не слушает. А наблюдение. У меня есть идея, что время одинаково идет в обе стороны — туда и назад. И поэтому будущее видно уже сейчас.

Вот во второй части "Последнего героя", которая называется "Ад по имени Рай", действие тоже происходит в каком-то невятом будущем. И это такая Россия, которая похожа на Америку со всеми этими "политикал корректнесс" и "гэйз би прайд". Клерки из Зарядья-сити разъезжают на "волгах турбо" и "ока спешл спорт", на всех углах продается кола-квас... Страна чудовищно богата, кормит всю Европу: но по ее периметру идут непрерывные войны, о которых никто не знает, потому что масс-медиа у них начинаются с сообщения о том, что в Москве объявился сексуальный маньяк, который дарит женщинам цветы...

И ничего не нужно придумывать: это то, что сейчас, а не то, что потом. Пойдите в район Патриарших: там есть площадь, где все отреставрировали, покрасили, — Париж! Проходишь дальше — и потрясающе похоже на жилой район Лондона, пусть пока что только два или три дома. А по краям-то — война.

— Смена декораций знаменует смену времен — и вашему герою уже нечего делать на сцене?

— Да, герой живет, а время его кончилось. Зажился. Это такой шестидесятилетний Фирс. Я и сам теперь иногда чувствую

себя Фирсом. Понимаете, какое у меня сейчас ощущение от времени? Знаете, когда провожаешь кого-то, а поезд все не идет. Они уже сидят в купе, у них уже бутылка на столе. Если бы меня за окном не было — все, они бы уже разлюбили, "поехали". Ну стоит поезд, какая разница? А тут я. Надоел... Поезд пошел, я помахал, они — да-да, бай-бай, и уже пробку скручивают, наливают... У них там жизнь. И я знаю, что они напьются, им бутылки не хватит, пойдут в буфет, кто-то будет блевать, кого-нибудь, может, с поезда ссадят, то есть хорошего ничего не будет. Но как грустно остающемуся, ужасно!

И не потому, что сейчас такая плохая жизнь, она хорошая; насколько вообще может быть хорошей. Просто она чужая, иная.

— Герою можно купить билет, посадить в поезд, самолет. Но что же делать прототипам, которые живут в реальности и ощущают, что их время кончилось?

— Доживать. Заниматься по мере сил своей профессией, пролюбливать свою любовь. А что — есть выбор? Выбор извечный, и мой последний герой пытается его сделать. Но у него там есть два ангела-хранителя: белый — Григорий Исаакович, который говорит с чудовищным местечковым акцентом, и черный — Гарик Мартырозович, который все время изъясняется цитатами из придуманных инструкций, например: "О выпивании перед проведением спецоперации, во время проведения спецоперации, после проведения спецоперации и в другое время". И вот белый ангел-хранитель вовремя входит, вытаскивает у героя из руки пистолет и говорит: что ж ты? По отношению к нам это подлость, по отношению к ней — жестокость; а по отношению к себе глупость. Так что надо доживать. Наблюдать, раздражаться...

— И что вас раздражает?

— Больше всего — эта новая культура. С политикой как бы все понятно, и я даже не придаю ей большого значения; потому что они могут вылезти из кожи вон и перепрыгнуть через себя — и все равно будет то, что будет: парламентская демократия, свободный рынок и соблюдение прав человека. И в Иране то же будет, и в Северной Корее. Другого пути нет.

А вот способствование всем и всяческим революциям в культуре и провозглашение красоты зла и тем самым способствование злу — вот это меня раздражает. У нас вообще в стране все негативные последствия наступают раньше позитивных причин. Чудовищное загрязнение среды наступило раньше, чем возникло постиндустриальное общество. Анархия раньше свободы. Социалистическая тенденция раньше капиталистической. И полевение интеллигенции возникло у нас раньше, чем закончилось поправление общества. И вот уже Курехин вступает в национал-большевистскую партию Лимонова и Дугина. Им всем не нравится, что общество может быть устойчивым. Ну расшатает они этот камень, вынут, останется котлован, и все они туда посыпятся, а следом за ними невинные люди.

— Может, это такая национальная бунтарская черта?

— Это словесная черта. Интеллигенция всюду левая. И всюду авангардная культура смыкается с левыми политическими течениями. Это проявляется в самых разных вещах. Мне очень мил этот постмодернизм на эстраде, но я вижу его идеологический оттенок. Знаете, как мода сейчас на костюмы 50-х, на советские песни. Вот "Новогодний огонек" на ОРТ будет таким — звезды нынешней эстрады поют советские песни. Такая ностальгия... Макаревич поет, что "штормовать в далеком море посылает нас страна". Все прелестно, "большой стиль". Но "большой стиль" совпадал с большим террором и, видимо, по-другому "большого стиля" быть не может. А им по фигуре, для них это просто "картинка". Вот такое предпочтение эстетики этике, плюс сдвиг влево. Вся эта постмодернистская команда — они к тому же и левые.

И я совершенно не собираюсь туда пристраиваться. У меня не будет копрофагии, инцеста, некрофилии, и в этом описываемом как бы будущем в "Последнем герое" такие дела высмеиваются: например, там демонстрация гей-националистической партии — у них голубое знамя с двуглавым орлом, и головы у орла повернуты друг к другу и смотрят с нежностью... Я и буду над ними смеяться.

— Кпрофагия не в вашем вкусе, но какое же очередное блюдо вы обдумываете?

— Не знаю, что я буду делать дальше, честно говоря. Хотелось бы придумать чисто жанровое сочинение, как бы на новом витке. Но затрудняюсь по простой причине: если действие будет происходить сейчас, то это, значит, сочинение из жизни красных пиджаков, ментов поганых... А от этого пока тошнит. Нужна дистанция.

Беседавал Алексей ЕРОХИН.
Фото Игоря ИВАНДИКОВА.